

ОНА ПОЛУЧИЛА ОСКАРА

И встретит его актриса так, как и положено в Зазеркалье, — на сцене. В работе. Без лишней помпы и выпендренных речей. Потому что всю жизнь «хвалу и клевету» приемлет достаточно равнодушно. А между тем влюбляет в себя — сразу, вдруг и навсегда.

Похоже, нынче ее не очень-то волнуют солидные цифры с нулями на календаре — куда больше тревожит необходимость выучить почти сорок страниц текста новой роли. Алиса Бруновна отключает телефон, отказываясь от всяких «датских» интервью и прочих телевизионных соблазнов: сейчас главное — правильно раздвоиться. Это совсем не шизофрения — в спектакле «Оскар и Розовая Дама» ей предстоит сыграть сразу две роли. Оскара, безнадежно больного мальчика. И Розовую Даму, его сиделку. Это она учит малыша в последние двенадцать дней его жизни писать письма к самому Господу Богу, общаться с ним напрямую, доверчиво и непосредственно.

С этим диалогом актриса и выйдет на сцену в день своего рождения.

Десятилетний мальчик и пожилая дама — все в одном фирменном флаконе по имени Фрейндлих. Кто еще из наших прим способен на такой профессиональный подвиг? К тому же не забывайте, что общаться с небесами — давно ее прямая обязанность. Как? Посредством ролей. Каких? Да практически любых. От астрид-линдгреновского Малыша в коротких шортиках до шекспировской Катарины. От арбузовской Тани до чеховской Шарлотты. Чего уж ворошить почти классику — спектакли «Варшавская мелодия», «Последний пылкий влюбленный», «Коварство и любовь», «Макбет»...

Все эти «письма наверх» десятилетиями Алиса Бруновна старательно переправляла с трех «почтамтов» — театров Комиссаржевской, Ленсовета, БДТ. Здесь было все: и жизнь, и слезы, и любовь, и роли, и партнеры. И какие — Владимир (слава богу, не сыгравший роковую роль в ее жизни), Стрельчик, Басилашвили...

Она играла всегда как-то по-другому. Не так, как остальные актрисы. Умно и деликатно. А мы ломали голову над составом крови ее героинь, соединивших «лед и пламя». Чего там больше — немецкой педантичности или русской бесшабашности? Они так и остались загадками в своем внутреннем трепете, интеллигентности, чистоте — всем том, чему имя фамильное фрейндлиховское обаяние. Она внушала: не бойся жизни, доверяй ей, терпи, верь, что все получится, — смотри, я же могу. Попробуй еще раз. Представьте без Фрейндлих петербургскую афишу. Кошмар. Пустота. Сиротство. Фрейндлих — питерский бренд. Как шпиль Адмиралтейства. Как Исаакий. Как Фонтанка.

Она была с «городом золотым» в его самые страшные дни. Пере-

ФОТО ИТАР-ТАСС

ЗАВТРА У АЛИСЫ ФРЕЙНДЛИХ ЮБИЛЕЙ

жила блокаду, узнала вкус черного клейкого хлеба не понаслышке. Не оказалось рядом, увы, отца, кроме фамилии, толком ничего не давшего дочери. И, кстати, совета: идти на сцену драматическую, а не камерную или оперную. Потому что со своим красивым меццо-сопрано запросто могла бы стать певицей. Колебания между театральным и консерваторией были решены в пользу сцены... И в оттепель, и в застойные семидесятые, и в тяжелые беспросветные восьмидесятые она держалась, как стойкий оловянный солдатик, радуясь каждой роли, каждому мигу на сцене. А в девяностые нахлынула тоска... «На трудных тропах бытия» — так назвала она цикл стихов Цветаевой, к которому обратилась десять лет назад, в эпоху странного безвременья и ложных надежд постперестройки. «За этот ад, за этот бред пошли мне сад на старость лет», — бросала она горькие цветаевские строчки в филармонические залы. Вдруг совпали на перекрестке судьбы женская мудрость актрисы и исповедь души поэта.

И вдруг мы поняли, что Алиса совсем не стальная арийка, а настоящему родная-народная...

Еще оглушительнее стало ее следующее после горькой паузы «послание» — роль Шута в версии Григория Дитятковского в шекспировской «Двенадцатой ночи». Спектакле сложном, спорном, сумрачном, многослойном, пропитанном сложнейшим соусом философских параллелей и ассоциаций. А ее Шут был бесспорен — женствен, артистичен и символичен, этаким симбиоз мысли, звука, движения, взгляда...

Мы можем только догадываться, какой была бы Надя, сыграв ее в рязановской «Иронии судьбы» Фрейндлих. Не сложилось — режиссер предпочел польский вариант — Барбару Брыльскую. Зато мы все знаем, как из «мымыры» может получиться принцесса — у того же Рязанова в «Служебном романе». Кто еще из наших примадонн дал бы себя так изуродовать? Кто осмелился бы предстать в столь неприглядном виде? Она не боится быть на экране некрасивой — потому что знает: в душе она королева самых что ни на есть голубых кровей. И в секунду ею станет. Как в «Д'Артаньяне и трех мушкетерах». Есть от чего королю — Олегу Табакову сходить с ума и требовать драгоценные подвески.

И все-таки в кино ее потенциал далеко не раскрыт. Хотя случилось в ее биографии и «Неоконченная повесть», и «Моя жизнь», и гениальная роль в «Сталкере», «Анна и Командор» и «Агония», «Семейное счастье» и «Старомодная комедия», «Жестокий романс» и «Подмосковные вечера» и много чего еще. А не было — дешевого телесериального мыла. Было, правда, дорогое. Вспомним ее восхитительный дуэт со Станиславом Говорухиным в «Женской логике». Наконец-то у нас появился достойный ответ мисс Марпл и Джессике Флетчер. Наконец-то элегантные женщины балзаковского возраста воспряли духом у телеэкранов.

...В аншлаговой «Калифорнийской сюите» ее героиня остается без вождя «Оскара». В реальном петербургском закулисье Алиса заслужила своего Оскара. Для нее он поважнее заокеанского будет. Потому что намекает: не время еще Розовой Даме ехать «с ярмарки» — даже в сторону внуков. Успеется. Можно послать еще несколько восточек небесам...

С днем рождения, Алиса Бруновна!

Наталья БОБРОВА